

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Майофис М.Л., Кукулин И.В.

**Анализ социальных сетей
в исторической социологии культуры
(на материале советской детской литературы
1954—1957 годов)**

Москва 2017

Аннотация. Предлагаемая работа обосновывает применимость метода анализа социальных сетей (social networks analysis) в исторической социологии литературы. В новейших исследованиях по социологии культуры основное внимание обращается не на социальные связи между отдельными авторами, редакторами, переводчиками или читателями (social networks), а на сети коммуникаций в литературных сообществах или сети трансляции текстов (по аналогии с social media в Интернете). С нашей точки зрения, коммуникация – лишь частный случай социального взаимодействия в сетевых структурах, изучение которых позволяет увидеть принципиально новые аспекты создания и рецепции литературных произведений. Предмет исследования в этой работе – резкая трансформация социальных связей между детскими писателями, критиками и литературными институциями в 1954—57 годах, приведшая к появлению «оттепельных» направлений в детской литературе. Изучение этого частного случая помогает увидеть более общие закономерности институционального и «сетевого» развития (networking) позднесоветской культуры и понять специфику советских сетевых структур по сравнению с изученными в англоязычной социологической литературе.

This paper is aimed at grounding of applicability of social network analysis to historical sociology of literature. In modern studies in cultural sociology, the scholars' attention is paid mostly not to social networks that connect authors, editors, translators, and readers, but to the communication channels or the networks for texts' widespread – in other words, to the phenomena, resembling the social media on the Internet. In our opinion, communication here is only particular case in the wide range of social interactions in literary communities. Study of these communities from the viewpoint of social network analysis allows to discern the new aspects of literary works' production and reception, and to shed new light on the well-known episodes of literary history. The subject of the case study in this paper is the quick transformation of the social ties between the Soviet children's writers, critics, and literary institutions in 1954—57. This transformation led to the total reshaping of landscape of the Soviet children's literature. This case study gives ground for consideration the deeper principles that regulated networking and institutional dynamics of the late-Soviet culture, as well as the specific features of the Soviet cultural networks if comparing them with the samples discussed in English-language sociological scholarship.

Майофис М.Л. старший научный сотрудник ШАГИ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Кукулин И.В. старший научный сотрудник ШАГИ ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год.

СОДЕРЖАНИЕ

1 Постановка проблемы	4
2 Методологический очерк	6
3 Как была сделана детская литература «оттепели»: сети и связи.....	9
4 «Старшие» и «младшие» находят друг друга: заполнение структурных пробелов	18
5 Три повести: становление новой парадигмы детской литературы (1954—1957).....	23
6 «Группа писателей и критиков»: рождение нового направления	34
7 Заключение	40
Литература.....	43

1 Постановка проблемы

Начиная со второй половины 1950-х годов, социология литературы начинает уделять все большее внимание конкретным условиям производства, распространения и восприятия произведений. Первопроходцами в этой сфере стали Люсьен Гольдман, Робер Эскарпи, Питер Бюргер, Раймонд Уильямс, позже – Франко Моретти, Роже Шартье, Пьер Бурдьё и некоторые другие авторы. В 1980—2010-е годы в сферу интереса исследователей в этой области входят литературные сообщества (именно как социальные феномены) и сложные отношения, связывающие писателей, читателей, переводчиков, редакторов и т.д.

В XXI веке этот интерес получил дополнительный стимул благодаря распространению Интернета, развитию транспорта и утверждению новой гуманитарной парадигмы, воспринимающей мир в категориях не замкнутых структур, но разомкнутых сетей («ризом» Жюльена Делеза и Феликса Гваттари, «мобильности» Джона Урри, «сетевой град» Люка Болтански и Ив Кьяпелло, «акторно-сетевая теория» Бруно Латура и др.). Социальные сети оказались в большей или меньшей степени структурно изоморфны сетевым структурам, которые обнаружились практически повсюду. Стало возможным написать новую версию всемирной истории человечества – как историю сетей, и такая книга появилась в 2003 году (McNeill, McNeill 2003).

Историки культуры стали находить в прежних эпохах культурные феномены, организованные по сетевому принципу. Хороший пример – недавняя книга Роберта Дарнтон «Поэзия и полиция» (Darnton, 2010). В ней описано, как расследование, произведенное парижской полицией в 1749 году, позволило вскрыть стихийно сложившуюся сеть распространения по французской столице сатирических стихов и песен, прямо метивших в Людовика XV, его семью, фаворитов и первых лиц королевства. Дарнтон в своей книге эксплицитно сравнивает эту социальную сеть с Интернетом.

Термин «социальные сети» в русском языке фактически является омонимом, одновременно отсылающим к реалиям, которые по-английски обозначаются как “social media” и “social networks”: первое – это электронные сети общения, второй – собственно связи между людьми и/или организациями, институциями, текстами. Как пишет французский теоретик социологии Бруно Латур, «социальное» – это тип отношений, который может связывать человека с любым иным объектом, понимаемым как участник социального взаимодействия, поэтому агентом в таком взаимодействии может выступать не

только произведение искусства, но, например, даже институт авторского права (Латур, 2014). В настоящее время социологи литературы интересуются в первую очередь social media, показывая, как активность писателей и читателей в электронных средах типа Facebook или Twitter приводит к трансформации читательских сообществ (см., например: Chung 2013: 107—138). При всей перспективности этого направления, следует отметить, что в тени «интернетообразных» феноменов остаются собственно социальные связи, networks. Их изучение, как представляется, может привести к совершенно новому взгляду на историю литературного производства, изменения вкусов и «диффузии инноваций», если пользоваться термином известного социолога Эверетта Роджерса (Rogers 1983 [1962]). Теория сетей позволяет рассмотреть эти процессы более детально и нюансированно, чем изучение литературных сообществ, имеющую богатую традицию – самое позднее, от Л. Шюккинга (Шюккинг 1928: 65—66, 101—114) до Р. Шартье и еще более современных авторов. Предлагаемая работа показывает плодотворность « сетевого » подхода на примере истории советской детской литературы 1950-х годов.

2 Методологический очерк

Социальные сети, то есть структуры, состоящие из акторов и их взаимных (диадических) отношений, стали предметом изучения социологов и антропологов в первой половине XX века. Одним из первых на важность позиции индивида в социальных взаимодействиях обратил внимание Георг Зиммель (работа «Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung» - «Социология. Исследования форм становления-общественным», 1908, и др.). В 1934 году австрийский социолог Якоб Морено, переехавший в США, начал изображать социальные связи в виде графических схем, которые получили название социограмм – сегодня такие схемы являются важнейшим элементом визуализации социальных сетей (Рисунок 1) (Moreno 1934). Что же касается собственно выражения social network (социальная сеть), то считается, что в современном значении его впервые использовал британский антрополог Джон Эрандел Барнс в 1954 году, описывая систему отношений жителей небольшого норвежского острова (Barnes 1954).

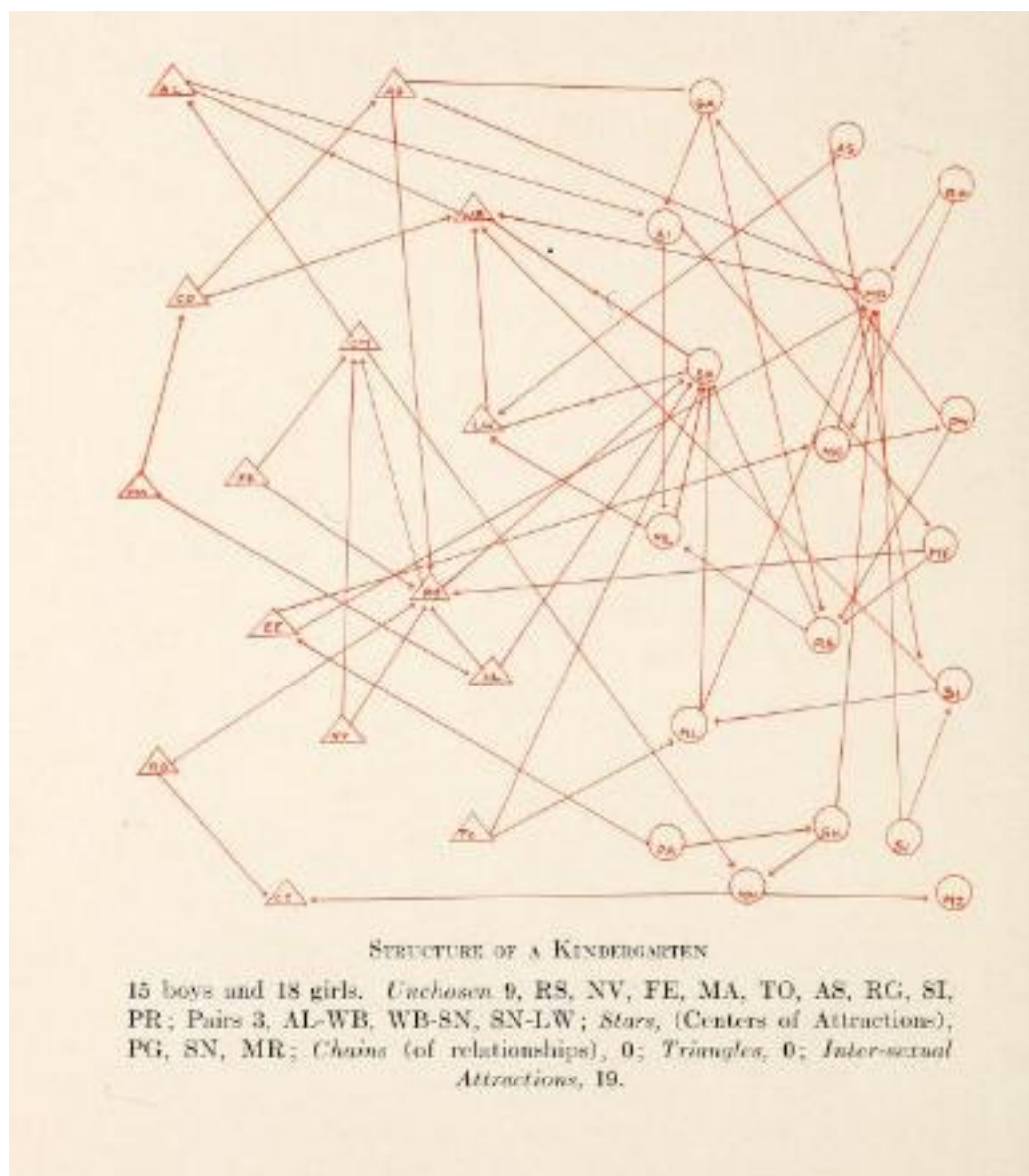

Рисунок 1 - Социогамма Якоба Морено из книги «Who shall survive?» Структура отношений между мальчиками и девочками в группе детского сада.

Следующий этап развития науки о социальных сетях связан с именем выдающегося американского социолога Харрисона Уайта (р. 1930). После того, как Уайт в 1963 году был принят на работу в Гарвардский университет, он начал там читать курс «Введение в социальные отношения» и руководил работой ряда студентов, которые впоследствии и создали науку о социальных сетях (network analysis), как особую отрасль социологии. Результаты работы Уайта и его учеников в 1960—70-х годах в истории американской социологии принято называть «гарвардской революцией» или «гарвардским прорывом».

В 1973 году в США была опубликована статья одного из бывших студентов Уайта Марка С. Грановеттера «Сила слабых связей» (Granovetter 1973)¹. Грановеттер показал, что:

- 1) Наиболее значимыми каналами неформального распространения новой информации (например, о рабочих вакансиях) являются не «сильные» связи – такие, как дружеские или родственные – а «слабые», такие, как дальнее знакомство;
- 2) именно «слабые» связи соединяют между собой разные компании и способствуют тому, что до того или иного человека доходит *неожиданная* информация.

Городские сообщества, в которых много дружеских компаний, но мало слабых связей («дальних знакомств») между ними, обычно гораздо хуже способны отстаивать свои интересы в споре с городскими властями, чем сообщества, где таких слабых связей много.

Работа Грановеттера имела столь большое значение потому, что он обратил внимание на отношения поистине всепроникающие, (как он доказал) весьма влиятельные и в то же время «выпадающие» из всех социологических схем, существовавших в начале 1970-х – структурного функционализма Т. Парсонса, марксизма или даже теории фреймов И. Гоффмана.

В настоящее время теории социальных сетей можно разделить на две большие группы: 1) оперирующие с моделью социальных потоков – в них основное внимание уделяется движению информации и иным связям между акторами – и 2) оперирующие с моделью социальной архитектуры, где основное внимание уделяется соотношению сложной и динамичной структуре отношений внутри сети (Borgatti, Lopez-Kidwell 2011). В «потоковых» теориях разработана сложная классификация типов связей: ролевые (начальник—подчиненный, учитель—ученик, друг—друг), в ряде случаев основанные на институционализированных правах и обязанностях; отношенческие («знать», «хорошо относиться», «не любить»); выраженные в локальных взаимодействиях («поговорить с А»; «подражаться с В»; «пообедать с С») (Borgatti, Lopez-Kidwell 2011: 44).

¹ В настоящее время на эту статью сделано более 37 000 ссылок.

3 Как была сделана детская литература «оттепели»: сети и связи

В мемуарных источниках, критических статьях и академических исследованиях стало уже почти общим местом утверждение о том, что позднесоветская детская литература обладала большой степенью автономии и подчинялась более мягким цензурным требованиям, чем литература взрослая²; именно поэтому она стала убежищем для многих неконформистских авторов³ и оказала гуманизирующее и освобождающее влияние на несколько поколений советских детей и подростков⁴.

Причины автономизации и более либеральной издательской политики в этой сфере исследователи зачастую находят в самой природе «детских» жанров (прежде всего - волшебной сказки и ее модификаций): постулирование возможности «работы воображения» и создания «волшебных миров» в значительной степени снижало остроту требований соответствовать идеологическим и эстетическим императивам соцреализма. Соглашаясь с этим тезисом, тем не менее, невозможно проигнорировать и другой ряд действующих причин, связанный прежде всего с целенаправленными усилиями отдельных акторов, более или менее благоприятными моментами политической истории 1950—1970-х годов, а также с продуктивным и тоже осознанно протраивавшимся взаимодействием людей, которые работали в этой сфере и считали ее главной областью своей профессиональной реализации.

Когда-то, на заре нарратологии, Б.М. Эйхенбаум ввел в своей революционной работе «Как сделана «Шинель» Гоголя» фундаментальное разделение между «примитивной новеллой», т.е. таким повествованием, которое без дополнительных ухищрений идет вслед

² См., например: «В литературу пришло новое поколение молодых талантливых писателей. Окрыленные переменами в стране, с надеждой глядя в будущее, они пытались противопоставить лицемерию и жестокости ушедшей эпохи светлый идеал, воплощенный в ребенке» (Мязотс 2002). Катриона Келли делает даже более радикальный вывод: «Восстановление воображаемого прошлого [традиций литературы 1920-х годов] – одна из причин, почему можно утверждать, что детская литература проходила через более длительную и гораздо более фундаментальную «оттепель», чем взрослая литература» (Kelly 2007: 137). См. также: (Balina 2008: 15).

³ Назовем здесь имена Юза Алешковского, Генриха Сапгира, Игоря Холина, Юрия Коваля. См.: Kelly 2007: 138—139.

⁴ Среди достижений детской литературы периода «оттепели» Бен Хеллман называет представление читательской аудитории «некоторых новых иностранных имен», реабилитацию других, «давно забытых» фигур и представление их посредством новых переводов (Hellman 2013: 473), он говорит также о возобновлении связи с лучшими достижениями русской культуры первых трех десятилетий XX века, включая и «осторожную реабилитацию» обэриутов и их друзей (Hellman 2013: 476).

за сюжетом лежащего в его основе анекдота, и новеллы, в которой доминировать начинает личный тон автора, а «центр тяжести» переносится от сюжета на приемы сказа, развернутые тропы и другие элементы повествования.

Введенная Эйхенбаумом дихотомия дает очень яркую порождающую метафору для культурной истории и истории культурной политики. Подобно тому, как участник ОПОЯЗа обратил внимание на «личный тон», каламбуры, изобретательные синтаксические конструкции в создании «сложных новелл», я хотела бы сфокусироваться на осознанных личных усилиях и значимых культурных прецедентах, которые привели к расширению эстетических и идеологических границ, установлению новых «правил игры» или расшатыванию старых.

Я далека от мысли о том, что социальные взаимодействия и культурную историю можно изучать по законам нарратологии, более того – уверена, что сделать это через прямой трансфер соответствующей методологии невозможно. Однако задача описать, «как была (или не была) сделана “оттепель”» в различных отраслях науки, культуры и образования, дает, по моему мнению, возможность построения такого культурно-исторического исследования, в котором роль действующих творческих субъектов не ограничивалась бы пассивным восприятием (или неприятием) «руководящих» указаний и разыгрыванием прописанного сверху соцреалистического сюжета (канона), но и не замыкалась бы эскапистской парадигмой «памяти/ценности культуры», заранее противостоящей любому идеологическому давлению. Моя задача – разглядеть и описать пространство социального и творческого (взаимо)действия, формирование которого и характеризует на мой взгляд, особенности того периода, который мы называем позднесоветским. Эта совместная и шедшая сразу по нескольким направлениям выработка новых норм, возникающая в диалоге, споре, согласии и несогласии, среди писателей, журналистов, художников и т.д. шла во все периоды советской истории – даже во времена самого страшного террора – но в 1950-е годы привела к особенно заметным результатам.

Дальнейшая реконструкция охватывает лишь некоторые секторы гораздо более обширного поля советской детской литературы; однако именно эти акторы и конфигурации отношений между ними оказались ключевыми факторами в тех изменениях, которые произошли в интересующем нас поле во второй половине 1953-го – начале 1957-го годов. Пользуясь разработанными в рамках анализа социальных сетей методами визуализации,

можно представить эти секторы в виде графа (см. Рисунок 2⁵), на котором будут отмечены не только сами социальные связи между акторами, но и так называемая сила связей, выраженная числовыми коэффициентами (мин. – 1, макс. – 5). Чем большее количество социальных связей имеет актор, тем большего размера репрезентирующий его на графе узел (англ. – node).

Мы видим два совершенно отчетливо разграниченных дружеских круга детских писателей. Первый образован женщинами-писательницами, родившимися в 1900-х и 1910-х годах, т.е. в интересующий нас период им было от 50-53 (Тамара Габбе) до 46—49 лет (Любовь Кабо). К этому же кругу примыкают две писательницы более старшего поколения - Александра Бруштейн (1884—1968) и Лидия Кон (1896-?). Объединяет участниц этого круга не только возраст и пол, но и национальность (в период государственного антисемитизма этот фактор был весьма значимым, особенно для получения работы и публикаций в прессе), образование (филологическое или искусствоведческое), место жительства (Москва), профессия и отсутствие регулярной службы (источником дохода являются гонорары), большой опыт журналистской, редакторской и собственно писательской работы, маргинальное положение по отношению к мейнстриму официальной литературы, наконец, сходство эстетических вкусов и этических позиций.

⁵ Используемые в этой работе визуализации и разработанные для них компьютерные программы были подготовлены группой студентов Institute of Pure and Applied Mathematics (Лос-Анджелес, США), работавшей по нашему техническому заданию под руководством Е.Г. Лапиной-Кратасюк в весеннем семестре 2016 года.

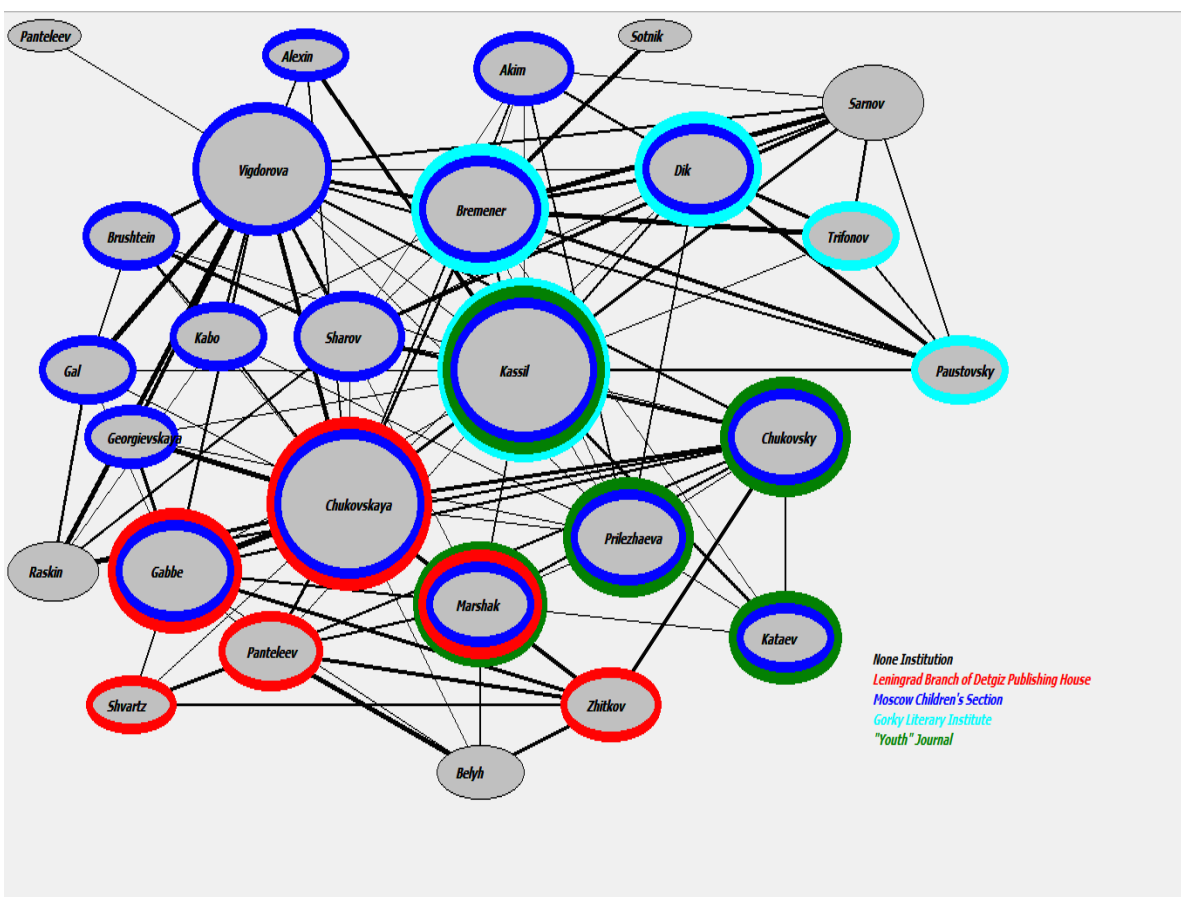

Рисунок 2

В центре этого круга находятся Лидия Чуковская и Фрида Вигдорова – наиболее социально и публицистически активные члены группы. Характерно и то, что именно от них к другим акторам протягиваются линии самых сильных связей, с коэффициентами 4 и 5. Эти «сильные» связи поддерживались регулярным общением, взаимопомощью в бытовых и профессиональных вопросах, в том числе и в продвижении произведений к публикации, «перекрестным» чтением и редактированием произведений друг друга, но и интенсивной перепиской в те периоды, когда один из участников «сильной» связи уезжал из Москвы (достаточно было даже поездки на съемную дачу или в писательский дом творчества в Подмосковье). Это потребность в установлении «заочного» контакта, а также сама сохранившаяся переписка и дает сейчас возможность восстановить многие эпизоды литературной и общественной жизни середины 1950-х годов.

Второй круг образован молодыми мужчинами-писателями, недавними выпускниками Литературного института им. Горького и их ближайшими друзьями: Иосифом Диком (р. 1922), Юрием Трифоновым (р. 1924), Бенедиктом Сарновым (р. 1927),

Максом Бреженером (р. 1926) и Яковом Акимом (р. 1923)⁶. Эта группа также объединялась параметрами пола и возраста (в меньшей степени – национальности), местом жительства, полученным образованием и – что принципиально – временем и местом обучения, родом занятий и общими взглядами на развитие литературы, которые на тот момент обобщенно можно было бы назвать антисталинистскими. Однако сама группа, как мы видим, немного меньше, и сила связей, соединяющих ее участников, тоже не так велика. Косвенным свидетельством этому служит отсутствие таких больших корпусов переписки, какие сохранились от представителей первой группы.

Кроме этих двух групп, на графе отображены также две наиболее влиятельные в интеллектуальном и символическом отношении фигуры – Самуил Маршак и Корней Чуковский. Маршак возглавлял в 1933—1937 году ленинградское отделение «Детгиза», где вместе с ним работали Лидия Чуковская и Тамара Габбе⁷. Судя по страницам дневников Чуковской [115], ее отношения с Маршаком в 1950-е годы были непростыми, но, безусловно, близкими. С Габбе Маршака связывали долгие годы совместной работы и близкой дружбы. С Чуковским были так или иначе знакомы все участницы этого дружеского круга, но Фриду Вигдорову связывали с ним коллегиальные отношения особого рода: на протяжении почти 20 лет Вигдорова вела «материнский» дневник, в который записывала самые яркие эпизоды жизни своих дочерей – Галины и Александры, их остроумные или любопытные в языковом смысле высказывания, вообще – вела пристальное психологическое наблюдение за становлением личностей и характеров своих девочек⁸. К.И. Чуковский был внимательным читателем этих дневников на протяжении более чем десятилетия и многократно цитировал их в позднейших изданиях своей книги «От двух до пяти».

Большинство акторов, размещенных на этом графе, жили в 1953—1956 годах в Москве, однако есть тут и небольшая ленинградская группа, важная для Чуковской,

⁶ Обучение в Литературном институте пришлось у них на следующие даты: Сарнов и Бреженер – 1945—1950, Трифонов и Дик – 1944—1949. Аким в Литературном институте не учился. Нужно при этом иметь в виду, что в 1950-е годы Трифонов был известен как автор одного, хотя и знаменитого, произведения – повести «Студенты» (1950, Сталинская премия 3-й степени), и поэтому рассматривался, скорее, как писатель «молодежный», нежели «взрослый».

⁷ Две другие знаменитые сотрудницы «маршаковского» «Детгиза» -- А.И. Любарская (1908—2002) и З.М. Задунайская (1903—1983). Интересно, что все четыре подруги, работавшие в 1930-х в «Детгизе», были выпускницами словесного отделения Государственного института истории искусств.

⁸ Л.К. Чуковская после смерти Вигдоровой подготовила эти дневники к изданию, однако так и не смогла добиться публикации этой книжки. Она вышла в свет только в 2014 году (Вигдорова 2014).

Чуковского, Вигдоровой и Маршака (а позже, как мы увидим, и для некоторых писателей «литинститутского» дружеского круга) их связью с традициями ленинградского отделения «Детгиза»: это Евгений Шварц и Леонид Пантелеев. С Пантелеевым Л. Чуковскую связывали долгие годы близкого общения и интенсивной переписки. Он был одним из звеньев, связывавших ее после переезда из Ленинграда с писательскими кругами ее родного города. К этой же группе принадлежат два писателя, которые умерли задолго до описываемых событий – Борис Житков (1882—1938) и Григорий Белых (1906—1938). Они тоже обозначены на графе, поскольку во второй половине 1950-х годов Л.К. Чуковская, К.И. Чуковский и Л. Пантелеев прилагали огромные усилия к тому, чтобы вернуть этих авторов и их произведения советским читателям. Если в случае Житкова речь шла просто о возвращении читательского внимания, то в случае Григория Белых, соавтора Пантелеева по книге «Республика ШКИД», требовалась еще и политическая реабилитация: Белых был арестован в 1935 году «за контрреволюционную деятельность» и умер в 1938 году в пересыльной тюрьме от туберкулеза.

Отдельно на схеме обозначены и те организации, институциональное взаимодействие с которыми позволило добиться важных изменений в поле детской литературы: это и давно функционировавшие газеты и журналы – «Литературная газета», «Новый мир», и новые – такие, как журнал «Юность», и Литературный институт – *alma mater* практически всех авторов младшего поколения. При этом по умолчанию подразумевается, что всех отображенных на графе писателей связывает членство в детской секции Союза писателей.

Главным редактором журнала «Юность» в 1955—1961 годах был Валентин Катаев, не состоявший, по-видимому, в близких отношениях ни с одним из участников интересующих нас дружеских групп. Редколлегия журнала была довольно пестрой: в нее входили как представители «консервативного» крыла (Г.А. Медынский и М.П. Прилежаева), «умеренные» (как Н.Н. Носов и С.Я. Маршак) и «западники» (В. Розов и В. Катаев). Можно предположить, что такая идеологическая и эстетическая разнородность редколлегии была результатом сознательного компромисса, достигнутого при образовании журнала в период проведения II съезда писателей (декабрь 1954 г.).

Отдельного внимания заслуживает фигура Льва Кассиля – прямыми связями с ним (как с главой Бюро детской секции) объединены все изображенные на графе акторы. Более глубокая и прочная связь объединяет его с участниками его семинара в Литературном

институте (1947—1949) – Бременером, Диком, Сарновым. Однако во всех этих случаях речь идет, скорее, об организационных возможностях, помощи в продвижении публикаций, даже о финансовой поддержке, - но не об идейном или эстетическом влиянии. Пожалуй, единственный автор, с которым Кассиля связывает такого рода преемственность – его ученик и протеже Анатолий Алексин.

Иной характер имела связь писателей - выпускников Литературного института – с другим их «мастером», Константином Паустовским. Здесь как раз организационная помощь была минимальной, тогда как эстетическое воздействие – и в рамках регулярных семинаров с обсуждением новых сочинений учеников, а также через рецепцию и осмысление новых произведений или публичных выступлений Паустовского – было гораздо более значительным. Иосиф Дик рассказывает в своих воспоминаниях о том, насколько ценными и ободряющими были для него похвалы и внимание Паустовского, сперва вдохновившего его на то, чтобы написать первую книгу рассказов, а потом много способствовавшего ее изданию в «Детгизе». Дик тогда был всего лишь двадцатичетырехлетним студентом третьего курса (Дик 1995: 13—14).

Интересные детали об общении с Паустовским оставил в своих мемуарных очерках и Бенедикт Сарнов. Речь в них идет об отношениях Паустовского с другим участником того же дружеского круга, Максом Бременером:

Был в семинаре у Паустовского еще один студент с биографией, похожей на мою, — Макс Бременер. (Мы с ним потом подружились.) Как и я, он тоже пришел в институт со школьной скамьи. Как и мне, ему тоже не о чем было писать, кроме как о своем детстве. Тем не менее, Паустовский к нему благоволил. А много лет спустя в письме Константина Георгиевича, отправленном из какого-то Дома творчества (то ли из Переделкина, то ли из Ялты), я прочел такую фразу:

«Здесь живет сорок человек. Тридцать девять — члены Союза писателей — не писатели. И один не член Союза писателей — писатель. Макс Бременер».

Вот ведь понял же Константин Георгиевич, что Макс, напечатавший тогда лишь два-три коротеньких рассказа, — писатель. А те тридцать девять членов Союза писателей, наверняка написавшие и издавшие немало увесистых томов, — не писатели (Сарнов 2004).

В 1955 году вышла в свет очередная прозаическая книга Паустовского, посвященная природе писательской профессии и тому, как впечатления жизни, проходя во внутреннем мире писателя через долгие и тернистые пути, наконец, отливаются в литературу. Эта книга, названная по главному «волшебному предмету» первой новеллы «Золотая роза»,

была для своего времени очень смелой. Заявив в самом начале о том, что «героическое и воспитательное значение литературы ясно для всех», Паустовский больше не возвращается к этому вопросу и обсуждает только другие, негероические значения. Каждое из них выводится в отдельной новелле, причем многие из них намеренно написаны на западноевропейском материале. Первая, «Драгоценная пыль», о парижском мусорщике, собиравшем долгие годы золотую пыль из ювелирных мастерских, чтобы изготовить необыкновенную розу для своей возлюбленной. Вторая, «Надпись на валуне», - об этосе рыбаков только-только вошедшей в состав СССР Латвии; они оставили на камне надпись в память о своих погибших товарищах, «тех, кто одолевал и будет одолевать это море», а также о голландском писателе Эдуарде Деккере, печатавшемся под псевдонимом «Многострадальный» и его собрате по искусству, другом бунтаре – Ван Гоге. Третья и четвертая – о начале собственного писательского пути, первых стихах и литературных впечатлениях, о поездке в еврейское местечко Чернобыль (да, тот самый), где случившееся незадолго до того происшествие подало молодому Паустовскому идею первого его рассказа.

На страницах книги то и дело появляются сомнительные – после кампаний 1948—1949 гг. - имена Флобера и Диккенса, Гюго и Андерсена; действие свободно переносится из России и Советского Союза в Европу – и обратно. При этом сами определения писательского ремесла, его миссии, специфики художественного сознания никаким образом не вписывались в каноны соцреализма, более того – открыто отрицали их. Это было открытое возвращение к романтической эстетике, с ее культом индивидуальности, свободы самовыражения, автономии созданных художественных миров и героев. «Главное для писателя - это с наибольшей полнотой и щедростью выразить себя в любой вещи, даже в таком маленьком рассказе, и тем самым выразить свое время и свой народ»; «Нужно дать свободу своему внутреннему миру, открыть для него все шлюзы и вдруг с изумлением увидеть, что в твоём сознании заключено гораздо больше мыслей, чувств и поэтической силы, чем ты предполагал» (Паустовский 1956). При этом, как бы вослед критикам «отстающей» советской литературы, Паустовский акцентировал необходимость расширения тематической основы произведений и обогащения литературного словаря, предлагал совершенно конкретные рецепты.

«Золотая роза», несомненно, стала важнейшим событием в эстетической эволюции учеников Паустовского. Его знаменитое выступление октября 1956 года, на обсуждении

романа В. Дудинцева «Не хлебом единым», где Паустовский заклеил всю генерацию бюрократов, воплощенных в главном отрицательном герое Дудинцева – Дроздове, и возложил на этих бюрократов ответственность не только за социально-экономический кризис в стране, но и за репрессии сталинского времени, обозначило политическую рамку для новаторской и нон-конформистской эстетической позиции. По воспоминаниям Бенедикта Сарнова («Сталин и писатели»), выступление Паустовского во многом строилось на экспромте, и он позволил себе самые политически острые тезисы после того, как первым его фразам бурно зааплодировала на «галерке» молодежь. На дискуссии присутствовала Фрида Вигдорова и специально застенографировала речь Паустовского для своих друзей, прежде всего для отсутствовавшей в тот момент в Москве Лидии Чуковской (Краткая запись 1956).

4 «Старшие» и «младшие» находят друг друга: заполнение структурных пробелов

Одним из ключевых инструментальных понятий анализа социальных сетей является понятие структурных пробелов (structural holes). Структурные пробелы – это отсутствие связей между двумя частями сети. По-видимому, именно таковы были отношения между двумя описанными в предыдущих параграфах дружескими кругами до дискуссии апреля 1954 года. Начиная с этого момента в течение двух-трех лет структурные пробелы заполняются, а связи - возникают.

Актор, осуществляющий связь поверх структурных пробелов, называется в терминологии анализа социальных сетей мостом (bridge). В роли таких мостов по отношению к женскому писательскому кругу выступали в 1953—1957 годах Иосиф Дик, Макс Бременер и Бенедикт Сарнов. Дик первым установил связь на идеологическом и символическом уровне: его выступление на апрельской дискуссии непосредственно продолжало и развивало тезисы статьи Л. Чуковской «О чувстве жизненной правды». Затем, в 1955 году, в коммуникацию вступил Макс Бременер: он послал Л.К. Чуковской свой недавно вышедший в «Детгизе» сборник повестей и рассказов «Случай со Степным», сопроводив посылку следующим письмом:

«Уважаемая Лидия Корнеевна!

Решаюсь послать Вам свою первую книжку.

Не будучи Вам знаком, делаю это потому, что ни с чем еще в нашей критической литературе я не был так совершенно и во всем согласен, как с Вашими статьями.

В рассказах, вошедших в эту книжку, - в том числе и лучших из них, - мне самому явственно виден один недостаток: они условны. И это недостаток, так сказать, врожденный, т.е. принимаясь за работу, я всякий раз знал, что в будущей вещи он будет присутствовать. Признаюсь в этом не столько потому, что очень строг к своим работам, сколько потому, что отношусь к ним трезво. (Мои работы, не страдающие условностью, находятся, к сожалению, пока что в ящике стола.)

Дорогая Лидия Корнеевна! Мне очень хочется, чтобы Вы прочли мою книжку, и я буду Вам глубоко признателен, если Вы выберете однажды минуту времени и скажете мне о своих впечатлениях.

С искренним уважением М. Бременер» (Письма М. Бременера Л.К. Чуковской: Л. 1).

В этом коротком тексте стоит отметить несколько примечательных моментов. Первый: это письмо от 28 сентября 1955 года – очевидное сохранившееся свидетельство установления личных отношений, которых, судя по тексту того же письма, до этого времени не было. Второй: содержащееся в письме выражение не просто согласия, но самой высокой оценки по отношению к критическим статьям Чуковской (очевидно, имеются в виду «О чувстве жизненной правды» и «Во имя главной цели»). Третий: скептическая оценка собственных опубликованных произведений, причем произведенная именно с позиции «императива жизненной правды», который провозгласила в своих статьях Чуковская. Условность признается при этом «врожденным недостатком»: можно было бы подумать, что «врожденность» означает неустранимую черту писательской манеры Бременера, однако замечание о работах, находящихся в ящике стола и условностью «не страдающих», полностью опровергает это предположение. Таким образом, получается, что «условность» была извне навязана рассказам Бременера то ли господствующей литературной модой, то ли старшими коллегами, то ли редакторами, то ли цензурой. Весьма вероятно, что одним из произведений, лежавших у него в письменном столе и лишенных «условности», была повесть «Пусть не сошлось с ответом», о которой еще пойдет речь ниже. Наконец, последнее: Бременер с готовностью отдает свои тексты в руки Чуковской-критика и готов услышать от нее даже самые нелестные замечания. Иными словами, это письмо было попыткой (по-видимому, удачной) воспользоваться литературными консультациями Чуковской.

Чуть позже Бременер попытался вступить в контакт и с Фридой Вигдоровой, - однако здесь на первых порах не добился успеха. В ноябре 1956 года в письме к близкой подруге Норе Галь Вигдорова вспоминала, что полугодом раньше так же, как и Чуковская, получила от Бременера на прочтение его первую книгу рассказов: «Они очень не понравились мне: надуманные, приглаженные, словом, алексинские. Там не было ни характеров, ни мальчишечьей речи. Дети разговаривали и действовали, как их заставлял автор, и это здорово не походило на то, что бывает в жизни. Пока я раздумывала, как сказать ему все это – позвонила его жена и сухо попросила вернуть сборник. “Ну, вот, - подумала я с облегчением, - он обиделся на долгое молчание и уже не хочет разговаривать – тем лучше!”» (Письма Ф. Вигдоровой Норе Галь; 5.11.1956).

После выхода в октябре 1956 года повести Бременера «Пусть не сошлось с ответом!» коммуникация между ним и Вигдоровой не просто установилась, но переросла в прочную

дружбу⁹. Вигдоровой новая вещь Бременера не просто понравилась, но казалась свидетельством чудесного преображения стиля и писательского таланта под влиянием того начала, которая неукоснительно требовала ввести в детскую литературу Лидия Чуковская:

«...эта новая повесть — я читала, волновалась, смеялась и смотрела, сколько осталось — боялась, что скоро кончится.

Правда — великий волшебник. Все у него преобразилось — язык, видение людей. Речь действующих лиц — все живое, равнодушное, настоящее — и гнев, и доброта, и любовь» (Письма Ф. Вигдоровой...; 5.11.1956).

Чуковская же стала одним из неофициальных редакторов повести при подготовке ее к книжному изданию; судя по письмам Бременера, в конце 1956 года, перерабатывая текст «Пусть не сошлось с ответом», он опирался прежде всего на сделанные Чуковской замечания¹⁰.

Началом личных отношений Бременера и Вигдоровой, послужило, по-видимому ее выступление на публичном обсуждении повести Бременера в Доме детской книги — чтобы защитить молодого автора, она примчалась туда прямо с вокзала, вернувшись из командировки, — и отложила другие важные дела (Стенограмма дискуссии 1956: ...). «Педагоги станут стеной, будут клеветать — но я приеду, где бы ни находилась — хоть на Марсе, и лягу костью», — обещала Вигдорова Норе Галь (Письма Ф. Вигдоровой Норе Галь: 5.11.1956).

Наконец, в январе 1957 года Л.К. Чуковская написала Л. Пантелееву о том, что получила просьбу от Бенедикта Сарнова — прочитать в рукописи его книгу о Пантелееве, а вместе с просьбой — рекомендации Сарнову от Бременера и Акима (с которыми, как понятно по этому письму, Л.К. уже была знакома и близко общалась). Обратим здесь внимание на высокие оценки, которые не очень щедрая на похвалу Чуковская раздает молодым писателям: «Мне звонил Сарнов и, представьте, просил, чтобы я прочитала его работу, когда он кончит. О ней друзья хорошо отзываются: Аким (чудесный человек и талантливый поэт — см. его стихотворение «Галич» в «Лит. Москве») и Бременер (тоже умница). Я с радостью согласилась, но, может быть, возьму свое согласие назад, потому что

⁹ Ссылаюсь здесь на устные воспоминания дочери Фриды Вигдоровой Александры Раскиной.

¹⁰ «В издательстве повесть одобрена. Работая над ней в последнее время, я реализовал большую часть Ваших замечаний, за которые — еще раз! — от души признателен» (Письма М. Бременера...: Л. 2).

сама пробую сейчас написать о «Республике» и боюсь невольно у него что-нибудь слямзить» (Пантелеев—Чуковская 2011).

«Чудесное преображение» произошло в период между 1953 и 1956 годами и с Яковом Акимом. Через год после выстроенного совершенно в русле официальной советской поэзии сборника «Всегда готовы» (М., 1954) и бравурных текстов песен для фильма «Судьба барабанщика» (1955) Аким решил переориентироваться на более младший возраст и другую тематику: его книги 1955 и 1956 годов «Неумейка» и «Песенка в лесу» - это уже не воспевание совершающих подвиг героев, но постепенное продвижение от задорных, но все же дидактических стихов для малышей к стихам, в центре которых оказывается детская способность чувствовать радость жизни и богатое воображение (Hellman: 494). А в подборке взрослых стихотворений, опубликованных в альманахе «Литературная Москва» в 1956 году, находим несколько строф, поразительно близких лирическим декларациям Лидии Чуковской – здесь и настаивание на правде, и отказ от использования слова в ритуальных или демагогических целях, и идею служения согражданам. По-видимому, не случайно Чуковская отмечает в письме к Пантелееву именно это стихотворение Акима:

Он жив, доставшийся мне с детства
Упрямый правды капитал,
Я милой родины наследство
В пустых речах не промотал.
И беспокойными ночами,
Как у потухшего костра,
Со мною вместе галичане
Не спят в раздумьях до утра (Аким 1956: 524).

На основании этих данных мы можем сделать предварительный вывод о том, что критические статьи Л. Чуковской 1953—1954 годов и ее литературная позиция оказали мощное персональное воздействие сразу на нескольких молодых авторов, чьи произведения традиционно связываются с расцветом детской литературы периода «оттепели». Однако реконструированная картина межгрупповых взаимоотношений в среде детских писателей

позволяет нам пойти еще дальше и рассмотреть параллельно, как части единого идейно-эстетического контекста, три произведения, созданные в рамках двух интересующих нас дружеских кругов в 1953—1956 годах: это уже упомянутая повесть Макса Бременера «Пусть не сошлось с ответом» (Юность. 1956. № 10), повесть (по объему, скорее, роман) Любви Кабо «В трудном походе» (Новый мир. 1956. № 11, 12) и повесть Фриды Вигдоровой «Это мой дом» (М.: Детгиз, 1957). Параллельный анализ этих текстов может, как кажется, более точно указать на эволюционные и революционные сдвиги, произошедшие в детской литературе первых лет «оттепели».

5 Три повести: становление новой парадигмы детской литературы (1954—1957)

Все произведения ориентировались на популярный в конце 1940-х – 1950-е годы жанр школьной повести. Однако если у Кабо и Бреженера действие разворачивалось действительно в школах, причем в обоих случаях – в московских, центром и субъектом повествования у Вигдоровой является детский дом. Ее повесть была второй частью трилогии, посвященной педагогическому пути одного из учебников Антона Макаренко Семена Калабалина, выведенного в «Педагогической поэме» под фамилией Карабанов (Вигдорова пошла по тому же пути минимального изменения реальной фамилии и тоже назвала своего главного героя Семеном Карабановым). Первая повесть трилогии рассказывала о первых годах самостоятельной работы Карабанова в детском доме в Ленинградской области, вторая переносит читателя на Украину 1934—1939 годов, где биографический Калабалин заведовал трудовой колонией НКВД, а Карабанов-персонаж стал директором обыкновенного детского дома (что больше соответствовало реалиям 1950-х, когда он действительно возглавлял, вплоть до мая 1956 года, детский дом в Киевской области).

Внутренняя хронология повести Кабо – 1951/52 и 1952/53 учебный годы, у Бреженера действие начинается в сентябре 1954-го и заканчивается в январе-феврале 1955-го. Эта небольшая, на первый взгляд, временная дистанция разделяет два совершенно разных периода развития советской школы. Два учебных года московской школы у Кабо были последними в истории так называемого «раздельного» обучения, когда школьники крупных городов были принудительно разделены по половому признаку между «мужскими» и «женскими» школами. Введенное в 1943 году раздельное обучение никогда не вызывало единодушной поддержки ни у педагогов, ни в обществе (Ewing 2010). Однако к моменту его отмены в 1954 году волна критики была уже довольно мощной. Речь шла не только о педагогической нецелесообразности этой меры, но и о вредном влиянии, которое десятилетие раздельного обучения оказало на психологию целого поколения подростков.

Среди писателей одним из первых, кто открыто восстал против насаждавшегося раздельными школами ханжества и изоляции мальчиков и девочек, был писатель Николай Атаров. Его «Повесть о первой любви» (1954) трактовала это ханжество как следствие

глубинного недоверия взрослых к детям, а значит – возникшего на этой почве поколенческого разрыва.

Повесть Бреженера открывается 1 сентября 1954 года – первым днем существования совместных школ. Фактически и Кабо, и Бреженер показывают, насколько долгий и трудный путь нужно будет пройти «отлученным» друг от друга и разучившимся общаться мальчикам и девочкам, прежде чем они найдут необходимый *modus vivendi*, при том что самыми косными и консервативными участниками этого процесса являются учителя и администрация школ.

Однако раздельное и совместное обучение были для обоих авторов далеко не центральной темой их повестей. Революция, которую произвели Кабо и Бреженер в жанре школьной повести, заключалась в том, что впервые повествование фокусировалось не вокруг нерадивого ученика или группы друзей, среди которых кто-то хорошо учится и социально успешен, а кто-то – отстаёт или вовсе находится «на обочине», но вокруг школы как единого общественного организма. При этом московские школы, изображенные Бреженером и Кабо, отчетливо маркированы авторами не как пространства, в которых коллектив благотворно воздействует на отдельных «недовоспитанных» личностей, но, напротив, как места «моральной порчи», имплементации тех самых начал лжи, ханжества, недоверия к детям, которые обличали в своих статьях Л. Чуковская и Ф. Вигдорова. При этом самыми негативными и безнадежными героями в обоих случаях оказываются директора школ. У Бреженера этот персонаж носит еще и знаковое имя – Андрей Александрович, намекая таким образом на темные годы ждановских идеологических кампаний.

Таким образом, сюжет повестей – впервые в советской детской литературе – построен как трудное осознание моральной и социальной коррумпированности школы и необходимости ее реформирования на основе критериев нравственности, порядочности, содержательного, а не формального отношения и к академическому процессу, и к взаимоотношениям учеников. Экспериментальной площадкой для этого становится один из старших классов – 9-й (только Кабо доводит своих девятиклассников до выпускного лета 10-го класса, а Бреженер оставляет в середине предпоследнего учебного года).

Кардинальное различие между двумя произведениями состоит только в том, что в роли протагонистов у Кабо оказываются одновременно ученик и учитель, параллельно проходящие через серию проб, разочарований и ошибок к пониманию собственной миссии

и призвания и в то же время – к успешному выполнению роли цементирующего звена в культурно и психологически разнородном пространстве класса. Протагонист Бременера осознанно показан как одиночка. Если среди одноклассников он еще может в иные моменты найти единомышленников, то среди учителей школы таких людей до поры до времени не появляется: все они уверены в том, что их школа – одна из лучших в городе, и не готовы серьезно работать с все возрастающей криминализацией старшеклассников, которая, разумеется, сопровождается и ростом насилия.

Уличные кражи и воровство у учеников младших классов и составляют главную социальную проблему, с которой решает на первых же страницах повести бороться ее герой девятиклассник Валерий Саблин, однако никто из персонала школы, кроме недавно пришедшей на работу студентки-пионервожатой, не желает ему в этом содействовать. Школа у Бременера – настоящее «темное царство», и отсутствие позитивных образов учителей и стало главной мишенью для критики повести и со стороны педагогов, и со стороны коллег по писательскому цеху.

Внимательно взглядевшись в некоторые детали истории Валерия Саблина, мы находим в ней переключки с потрясшим школьную Москву летом 1954 года делом Леонида Ярунина: школа, которая прежде считалась образцовой, старшеклассники-хулиганы, которых их соученик пытается изобличить, угрозы с их стороны, полное бездействие школы и даже желание юноши оставить учебу и пойти на работу¹¹. В повести Бременера есть даже сцена уличного нападения на главного героя – только в отличие от Ярунина, Саблин отделяется легкими царапинами: одноклассница Лена успевает вовремя позвать на помощь милиционеров.

При всей географической и хронологической удаленности карабановского детского дома от «образцовых» московских школ 1950-х годов, выведенных Кабо и Бременером, повесть Вигдоровой на уровне сюжета и проблематики тоже может быть рассмотрена как нарратив об институциональном и нравственном становлении большого коллектива. Единственное различие здесь состоит только в том, что для воспитанников Карабанова «домом» и «семьей» становится как раз не что-то внеположное школе, но общественное пространство: даже те из них, у кого есть живые родственники, «родным» и «своим»

¹¹ Из письма Детской комиссии МГУ: «Из дневника Леонида выяснилось, что мальчик знал о том, что его могут убить. Прекратил посещать школу, понизил оценки и матери сказал, что он будет работать» (Материалы по делу Л. Ярунина: Л. 134).

считают приютивший их детский дом в селе Черешенки. У Вигдоровой, как и у Кабо, изображено параллельное становление личности и мировоззрения педагога и порученных ему детей; и в том и в другом случае усилия, потраченные в течение нескольких лет на решение сложнейших психологических и социальных проблем, приносят впечатляющие плоды: внутреннюю зрелость подростков, их взаимопонимание, способность к продуктивной кооперации. Но и тут усилия педагога-протагониста наталкиваются на противодействие бюрократов от образования, подходы которых выстроены вокруг соответствия внешним параметрам и совершенно далеки от дорогих Карабанову (и создавшей его Вигдоровой) ценностей: доверия, детской самостоятельности, психологической привязанности.

Все три анализируемые повести объединены идеей радикальной гуманизации стандартного советского коллектива, превращения класса и школы в семью. В тексте Вигдоровой этот вектор обозначен уже в заглавии, а дальше отождествление детского дома и семьи становится лейтмотивом произведения. У Кабо главный герой – учитель литературы Виктор Васильевич Ушаков, вернувшийся к педагогической профессии после десятилетия военной службы, в течение почти двух лет пытается стать для своих подопечных не просто классным наставником, но и родным и близким человеком, в конце концов, его класс и становится семьей, приняв, как свою, беду одного из мальчиков, у которого в период выпускных экзаменов умирает отец (мама в этой семье умерла еще раньше). Слабее всего эта линия сближения класса и школы с семьей выражена у Бременера, но, тем не менее, и там она присутствует: заботливое отношение Валерия к подшефным пятиклассникам, совершенно домашняя сцена совместной встречи Нового года, с общим приготовлением и покупкой съестного, а потом – прогулкой по московским улицам.

Таким образом, в произведениях всех трех авторов школьная повесть становится острым социально-критическим произведением и сознательно скрещивается с «романом воспитания», сохраняя лишь внешние сходства с классическими образцами жанра конца 1940-х – начала 1950-х годов. Конечно, московские школьники – протагонисты Кабо и Бременера – при всем их социальном критицизме все-таки не дошли до той стадии глубокого экзистенциального одиночества, как их американский сверстник Холден Колфилд, главный герой «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера (1951), однако эта неожиданная параллель позволяет нам увидеть перспективы эстетического и

психологического обновления советской детской литературы, которые открывались благодаря преодолению многочисленных табу на «негативное» изображение школы и связанных с ней принуждающих, насильственных по своей природе социальных конвенций.

Стоит обратить внимание еще на две темы, уже знакомые «взрослой» литературе 1956 года (хотя бы по роману Дудинцева «Не хлебом единым» и рассказу А. Яшина «Рычаги»), но также и кинематографу той поры. Для детской литературы обе они были новыми. Первая тема связана с истощенностью и стагнацией старых институциональных форм, особенно тех, которые связаны с публичными дискуссиями и вообще коллективным обсуждением любых вопросов. Почти пародийное описание комсомольского собрания, с обвинением в пособничестве НАТО старшеклассника, закричавшего на весь класс при виде влетевшего в форточку снежка - «Бомба!», - находим у Бреженера. У Кабо намеренно противопоставлены сцены школьных двух школьных диспутов: один из них устроен директором школы, и на нем ученики лицемерно провозглашают прописные истины и дидактические нравоучения, которых ждут от них взрослые, другой – учителем литературы Ушаковым, и это по-настоящему живой разговор о самых животрепещущих вопросов, устроенный без всякой предварительной подготовки и утвержденного «сверху» сценария.

С этой первой темой тесно связана и вторая – это тема девальвации слов, которые школьники зачастую произносят механически или ритуально, не вдумываясь в их значение и не интериоризируя. Отчуждение слов от их первоначальных значений и внутреннего развития личности, на разных этапах которого должно происходить осознание и наделение ценностью тех или иных понятий, - проблема, не менее важная, чем собственно кризис школы. Наиболее эксплицитно эта тема проведена у Любви Кабо. «...Слова стираются, если их без души, по любому поводу употреблять. <...> такие хорошие вещи на свете есть, а мы их портим, портим...», - говорит один из героев Кабо, явно выражая здесь и авторскую позицию (Кабо 1956: 11, 143). Довольно быстро после начала работы в школе Ушаков осознает для себя печальную истину: «И еще одно встало перед ним, на этот раз со всей несомненностью: оружие учителя – слово, а они давно уж привыкли ко всем хорошим словам, и верят и не верят им, и давно уж равнодушны к ним, и не он виноват в этом» (Кабо 1956: 11, 178)¹².

¹² Сравним с тем, как ставил и описывал те же проблемы во взрослой литературе И. Эренбург – цитата из стихотворения 1957 года:

Ведь он не нов, ведь он готов,

Важная для 1956 года тема, пусть и локально, но, тем не менее, без обиняков заявленная у всех трех авторов – конечно, тема сталинских репрессий¹³. Это не просто дань времени и симптом начавшегося процесса реабилитации. Участие, пусть и косвенное, в дискредитации и наказании тех, кто подвергся репрессиям или был родственником или другом пострадавших, – одно из серьезных испытаний, которые далеко не всегда проходят герои Вигдоровой, Кабо и Бреженера.

В детском доме Карабанова есть воспитанница Анюта Шереметьева, родители которой были репрессированы. Об этом факте сам Карабанов не вспоминает ни разу, пока его не призывает к ответу администрация школы, где учатся его воспитанники, и начальство из отдела образования; в сочинении о любви к родине эта девочка написала: «Я не знаю, имеет ли право человек говорить о любви, если он ничем не доказал ее. Я не знаю, люблю ли я свою родину, пока я для нее ничего не сделала». Карабанов выдерживает серьезное сопротивление с «бдительными» бюрократами, чтобы огородить девочку от неприятностей, но навлекает их на самого себя.

Один из героев повести Кабо, отчим красивой, но неискренней и поверхностной девочки Туси Огарышевой, – литературный критик и функционер, сделавший себе карьеру во время «погромных» кампаний конца 1940-х годов. Здесь снова, как и у Бреженера, в крепкий клубок оказываются увязаны темы репрессий и девальвации слов: «После какого-нибудь особенно жаркого собрания, на котором дядя Леша громче всех кричал «Безобразия!» и «Долой!», кричал так, что никто из сидящих в президиуме не мог бы усомниться в неподдельном его негодовании, – после каждого такого собрания дядя Леша возвращался домой с двумя-тремя своими приятелями, деятельно возбужденный и

Уютный мир заемных слов.
Лишь через много-много лет,
Когда пора давать ответ,
Мы разгребаем груды слов —
Ведь мир другой, он не таков.
Слова швыряем мы в окно
И с ними славу заодно.
Как ни хвали, как ни пугай,
Молчит облезший попугай, —
Слова ушли, как сор, как дым,
Он хочет умереть немим.

¹³ Моя аргументация, связанная с темой репрессий в детской литературе, противоречит выводам Бена Хеллмана, который утверждает, что обращение к беззакониям и несправедливостям сталинской эпохи практически не было характерно для детской литературы; в ней не появилось «Александра Солженицына для молодых читателей» (Hellman 2013: 472). Своих Солженицына и Шаламова советская детская литература действительно не знала, но нельзя сказать, чтобы тема репрессий была в ней полностью обойдена молчанием.

исполненный ярости: достоинство литератора, достоинство члена партии, достоинство русского человека, наконец, - все в нем задето и глубоко оскорблено. Он не ребенок, он легко и сам может дать всему политическую оценку. Этот, о котором сегодня больше всего говорилось, он и пишет-то – вы заметьте! – все о прошлом, о прошлом, ни одного произведения о сегодняшнем дне! Случайность? Бросьте! Никаких случайностей нет, учите, так сказать, диалектику» (Кабо 1956: 11, 154). Читатель должен был сам догадываться о том, сколько людей оставил без работы или отправил в пасть МГБ этот преисполненный «достоинства русского человека» литературный деятель.

В другом месте старшеклассники и учителя открыто восстают против культурной политики «борьбы за приоритеты», насаждавшейся с конца 1940-х годов. Здесь нет речи непосредственно о репрессиях, но догадливые читатели должны были вспомнить, чем оборачивалось в конце 1940-х – начале 1950-х упоминание в позитивном контексте иностранных ученых или чего-нибудь американского:

«...А почему, вы мне скажите, у нас все учебники переделали? Всех иностранных ученых русскими заменили – это не мещанство? Мещанство! Дуга Петрова, например (название вольтовой дуги в период «борьбы за русские приоритеты» - М.М.). А в магазинах теперь не французские булки продают, а городские...

- Южные орехи вместо американских...» (Кабо 1956: 12, 130)

Наконец, самая яркая фигура, связанная с темой репрессий, - это новый завуч 801-й московской школы, в которой происходит действие «Пусть не сошлось с ответом!». Этот персонаж появляется почти в самом финале повести, во время новогодней ночной прогулки одноклассников по центру Москвы, и сразу притягивает к себе интерес и симпатии ребят. Он спрашивает их о том, когда на Манежной площади прекратилось трамвайное движение, и никто из девятиклассников не может этого вспомнить, так как случилось это до того, как они вошли в сознательный возраст. Однако жившие в Москве взрослые читатели Бреженера прекрасно знали, что трамвайные пути на Манежной демонтировали в 1946 году. А значит, Евгений Алексеевич (так зовут нового завуча), попал в лагерь раньше. Собственно, буквально в следующей главе мы узнаем, что это случилось «за несколько лет до начала Отечественной войны» (Бреженер 1956: 46) - вполне понятный намек на 1937 год.

Евгений Алексеевич - единственный учитель, осознающий меру запущенности школьных дел, разрыва между словами и реальным положением вещей, вредоносное влияние, которое лицемеры-взрослые оказывают на детей. Он и становится вторым после

пионервожатой Наташи союзником Валерия Саблина в его борьбе за «правду». И, конечно, добивается гораздо большего, чем Наташа: совершенная двумя учениками школы кража с уличным разбойным нападением больше не может замалчиваться, ложное обвинение в срыве урока, возведенное на пятиклассника, публично снимается, Саблина восстанавливают в должности вожатого младших классов. Успевает Евгений Алексеевич вразумить и тех одноклассников Саблина, которые готовы были по инерции говорить и писать то, чего от них хотели (или о чем их просили) взрослые. Фраза учителя: «...комсомолец может говорить не то, что есть в действительности, или не то, что думает, в одном случае: если он выполняет задание Родины в тылу врага» (Бременер 1956: 48), - очевидно, входит в арсенал этических максим советского шестидесятилетия.

Вся идейно-композиционная конструкция повести приводит читателя к выводу о том, что никто из действующих учительских кадров не способен справиться с перезревшим кризисом школы. Эти люди слишком укоренены в забюрократизированной системе, где никто и никому не способен уже говорить правду. Нужен «свежий» человек, сохранивший безусловные этические координаты и понимание того, как должна работать настоящая советская школа. Закономерным образом таким человеком становится герой, прошедший последние полтора десятка лет не только вне школы, но и за пределами общества, моральная коррумпированность которого соположна и сомасштабна всем неурядицам современной школы.

Евгений Алексеевич у Бременера – не просто бывший педагог, вернувшийся после долгих лет отсутствия в родной город и к любимой профессии. Он - бывший сотрудник Наркомпроса, человек, которому было доверено управление советским образованием и который был исключен из партии и «вынужден уехать» на Север, чтобы работать «лесорубом, а потом бригадиром лесорубов много лет» (Бременер 1956: 48). Он пострадал из-за того, что «был беспечен, близорук и верил людям, которых потом осудили как врагов государства» (Там же). По возвращении из лагерей Евгений Алексеевич объясняет своему старому другу, отцу одной из учениц 9 класса 801-й школы, что невиновность этих людей уже доказана, и он не напрасно им доверял.

Ту же функцию «свежего», не затронутого и не испорченного системой педагога в повести Кабо исполняет учитель Ушаков – только он ушел из школы не в лагерь, а в армию. Тем не менее, в обоих произведениях на первый план выходит мысль о том, что инициаторами морального обновления школы и общества в целом могут стать только

«внесистемные» люди, ибо внутри системы все кадры если и не окончательно застыли в бюрократических процедурах и мертвых словах, то давно забыли, что можно жить и работать по-другому.

Любопытно, что и Вигдорова, и Кабо сознательно поставили на последних страницах своих произведений датировку, обозначив исторический промежуток, в который писались их тексты. В обоих случаях даты совпадают: 1953—1956. Очевидно, что это не просто привязка к хронологической шкале и указание на продолжительность писательской работы. Писательницы открыто давали понять взрослой части своей аудитории, что их сочинения непосредственно связаны с переменами, надеждами, разочарованиями, печальными открытиями, новыми идеями и в целом с атмосферой этих трех лет.

Бременер не датировал свой текст, а о существовании его писательского архива ничего не известно, поэтому мы можем только делать предположения о времени создания «Пусть не сошлось с ответом!» В любом случае, та редакция повести, которая была опубликована в журнале «Юность», не могла быть начата раньше отмены отдельного обучения, т.е. сентября 1954 года. Время окончания работы над текстом легче определить по переписке Бременера с редакцией журнала – правку в текст он вносил вплоть до начала сентября 1956-го¹⁴. Однако судя по некоторым косвенным признакам, значительная часть повести (предположительно – вся вторая половина, где описываются преступление, суд и обличение школы, а также появление реабилитированного завуча) была написана после XX съезда, в марте—мае 1956-го. Четыре года спустя, летом 1960-го, Бременер напишет своему старшему другу, писателю и драматургу Сергею Львову, о недавно прочитанной рукописи: «...вся глава густо пропитана любезным моему нигилистическому сердцу ароматом ужасного 56 года, когда некоторые писатели (и почти все читатели) совершенно превратно поняли решения XX съезда» (Письма М. Бременера С. Львову: Л. 8). Слово «нигилистический» появляется в письме Бременера не случайно; этот термин будет актуализирован партийными и комсомольскими кураторами в конце 1956—1957 года для того, чтобы прекратить републикации и обсуждение «Пусть не сошлось с ответом!». Если

¹⁴ В письме к Кассилю от 4 июля 1956 года Бременер упоминает, что только-только закончил «переработку своей многострадальной повести, и надо более чем пора, ехать в Москву и сдавать ее в бережные руки редакторов» (Письма М. Бременера Л. Кассилю: Л. 1). Письмо Бременера редактору отдела прозы «Юности» с новой версией финала повести датировано 4 сентября 1956 года (Переписка отделов прозы, поэзии и публицистики [журнала «Юность»]: Л. 47).

помнить про неприятности, обрушившиеся на Бреженера и его повесть уже в 1957 году, становится совершенно очевидно, что в письме он подразумевал прежде всего себя самого.

Тем не менее, во всех трех повестях отчетливо видны следы влияния самых ярких публикаций и дискуссий 1953—1954 годов. Пожалуй, наиболее эксплицитно они выражены в повести Кабо, писавшейся для «Нового мира», а значит, преимущественно для взрослой читательской аудитории. Когда учитель Ушаков решает высказать свои мысли о недостатках советского школьного воспитания, в связи с девальвацией слова, он пишет письмо в газету и, уже запечатывая конверт, раздумывает – в какую именно:

«Надписал конверт: «В «Учительскую газету»». Посидел, подумал, конверт разорвал. Надписал конверт: «В редакцию «Литературной газеты»». Проблемы словесного воспитания «Учительскую газету» никогда всерьез не занимали – она была перегружена материалом «более актуальным»» (Кабо: 11, 206).

Этот жест в адрес двух центральных советских газет весьма примечателен. Кабо хочет показать, что именно «Литературная газета», несмотря на свою предметную спецификацию, гораздо больше озабочена проблемами школы и ее реформированием, тогда как главный педагогический печатный орган по-прежнему инертен и консервативен.

Судьбоносным для учителя Ушакова оказывается один из его уроков литературы, на который без предварительного уведомления приходят директор и представитель РОНО. На этом уроке десятиклассники без всякого стеснения критикуют современную советскую литературу за неправдивое, приукрашивающее изображение деревни – тут мы слышим эхо и кампании по борьбе с «лакировкой», и «Районных будней» Овечкина:

«В самом деле, почему так получается: в книжке одно, а в жизни другое? Я у дяди в колхозе был этим летом: там колхозники три года по трудодням ничего не получают. Представляете? А ведь уже семь лет прошло с войны! Вот о чем надо писать! Там у половины деревни в избах пусто» (Кабо: 12, 137).

Впоследствии именно этот урок будет поставлен Ушакову в вину при попытке снять его с работы и исключить из партии – за то, что он не пресек слишком «вольных» высказываний учеников.

Однако самые заметные реминисценции в повестях отсылают к публикациям и дискуссиям о «правде и лжи» в жизни и литературе. Интересно, что один из эпизодов «Пусть не сошлось с ответом» Бреженер сознательно выстроен как *hommage* Якову Акимову, больше всех претерпевшему за свое выступление на апрельской дискуссии 1954 года. В начале января 1955 года Валерий Саблин и его подруга и одноклассница Лена (отношения

между ними все время балансируют на грани дружбы и романа, но романом так и не становятся) идут в кино:

«...Их обоих захватила картина. Они хотели счастья влюбленным: славному грубоватому парню, бедному и гордому, и красавице-девушке, юной, доброй, дерзкой и отчаянной. Но счастье все не давалось им в руки. Мешала нищая жизнь, мешал отец девушки, сухощавый прохвост и выжига, мешали неувязки...

В конце фильма парень и девушка соединили все-таки свои жизни. И, хотя у них по-прежнему не было ни гроша, ни крова, Валерий испытал огромное облегчение от того, что они вместе.

<...> и вдруг его осенила великолепная идея.

Он вскользь скажет Лене, что относится к ней так, как... И тут он обнаружил, что забыл имя героя картины. Он несколько раз повторял про себя: «Я отношусь к тебе так, как... к Лючии», надеясь, что на пустом месте перед именем девушки возникнет запропавшее имя героя. Но оно не находилось...» (Бременер 1956: 46).

Судя по пересказу сюжета и именам, Валерий и Лена смотрят не просто итальянскую картину, но один из фильмов нового неореалистического направления, которое, как заявлял на диспуте «о правде и лжи» Яков Аким, должно послужить путеводной звездой для советской литературы. Нетрудно догадаться, о каком фильме идет речь – это картина одного из основоположников неореализма Джузеппе Де Сантиса «Дни любви» (1954), с юной Мариной Влади и Марчелло Мастоияни в главных ролях. Фильм получил в том же 1954 году главный приз Сан-Себастьянского кинофестиваля.

В контексте этого исследования важно отметить, что все эти реминисценции носят, скорее, характер не дискурсивных, а коммуникативных отсылок, размечая социальное пространство таким образом, что литература и писатели оказываются на переднем крае общественной борьбы, причем самая заметная роль в ней отведена тем из них, кто поддерживает программу борьбы за «жизненную правду».

Публикация и обсуждение повести Бременера – одного из самых ярких литературных событий 1956 года – ясно показывают, как выстраивались эти коммуникативные линии – и в текстах, и в публичных формах, и в повседневном общении.

6 «Группа писателей и критиков»: рождение нового направления

Повесть Бременера появилась в октябрьском номере журнала «Юность» за 1956 год, за несколько недель до начала будапештского восстания. Если бы публикация была намечена на 11-й или 12-й номер или тем более на 1957 год, велика вероятность, что в таком виде повесть просто не вышла бы в свет. В ноябре – первой половине декабря 1956 года ЦК еще только готовил меры по усилению контроля за литературой, периодикой и публичными выступлениями, знаком начала нового периода общественной жизни стало письмо ЦК от 19 декабря 1956 года «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В октябре и ноябре в прессе и на разнообразных общественных площадках еще доигрывались сюжеты, порожденные «нигилистическим», как выразился позже Бременер, духом XX съезда. Ретроспективно оценивая события этих месяцев, можно сказать, что они стали последней страницей в истории «переформатирования» советской детской литературы, открывшегося статьей Л.К. Чуковской в декабре 1953 года.

10 ноября Бременер упоминает в письме к Л.К. Чуковской, что после публикации своей повести он получил много высоких и восторженных оценок от тех авторов, с которыми раньше не общался: если бы можно было дать наш граф социальных сетей в динамическом развитии, то на ноябрь 1956 года пришлось бы появление нескольких новых линий, в том числе и тех, которые связывают два интересующих нас дружеских круга:

«...На свою повесть получаю отзывы, из которых многие мне дороги и приятны. Мне звонила С. Георгиевская, с которой я до сей поры не был знаком, звонил Ю. Сотник, сообщивший, что в нем зреют помыслы Сальери...» (Письма М. Бременера Л.К. Чуковской: Л. 1).

15 ноября в «Литературной газете» выходит статья друга и соученика Бременера по Литинституту Иосифа Дика. Уже из названия статьи – «Воспитывать правдой» - видно, какая именно тема повести кажется автору рецензии ключевой. Текст начинается с хорошо знакомых нам по статьям Чуковской тезисов: «Немалый вред нанесли делу воспитания ханжи и лицемеры, вытравлявшие из ребенка самое ценное качество – непосредственность, стремление к самостоятельности и проявлению инициативы» (Дик 1956). Далее Дик объявляет повесть Бременера «разрывающей сложившиеся каноны», а сам разрывает

каноны рецензионного стиля, вводя в статью прежде совершенно не свойственную этому жанру лексику. Описывая одну из самых неприглядных учительниц 801-й школы, Котову, Дик смело характеризует ее как человека, «шьющего политическое дело» (Там же), - а редакторы «Литературки», не смущаясь, пускают этот текст в печать.

Аналогичным образом была проанализирована повесть и в вышедшей в 12-м номере «Нового мира» рецензии Елены Гальпериной, заголовок которой почти идентичен дииковскому – «Воспитание правдой» (Гальперина 1956).

Эта доминирующая в писательских и критических отзывах линия интерпретации находит параллели в некоторых письмах читателей, пришедших после публикации «Пусть не сошлось с ответом» на адрес журнала «Юность». В целом, сохранившаяся корреспонденция делится на три проблемно-тематических группы. В первой авторы писем выражают поддержку Бременеру и его повести и акцентируют мотив «воспитания правдой» и соответствия картин школьной жизни тому, что происходит во многих советских школах. Во второй – осуждают Бременера за слишком мрачное (а, следовательно, нереалистическое) изображение советской школы. В третьей – указывают ему на отдельные недостатки повести, такие как «скомканность» финала или неправдоподобность сцены суда, в которой прокурор почему-то произносит речь после адвоката, а адвокат безоговорочно оправдывает преступление своих подзащитных. Только одно из писем в этой большой подборке касается другой темы бременеровской повести – преобладания формальных критериев в оценке деятельности школ, неумения чиновников разглядеть в школах те результаты работы учителей, которые невозможно представить в виде цифр:

«О, сколько таких «благополучных» школ, с хорошо «сработавшимся» коллективом педагогов – как Ваша 801. Со школы надо снять показатели в процентах – это [значит] губить кропотливую, истинную воспитательную работу. Вот, если «Тишков» придет к учителю со своими мыслями поделиться, если он с любовью принесет стеклянный шарик для общественной елки в школе, если наконец его мать начнет ходить на родительские собрания в школу – вот это работа!

Но такая работа проценты не поднимает, и на нее уходит очень много времени – месяцами приходится ждать результатов. А вот в таких «благополучных» школах как часто вызывают учителя к администрации и ставят вопрос: «Почему у Вас так много двоек?». <...>

И знаете, очень многие думают: поставлю тройку, ну их к...» (Письма читателей о повести М. Бременера...: Л. 14—14 об.).

16 ноября, на следующий день после публикации рецензии Дика, состоялось обсуждение повести Бреженера в рамках традиционной дискуссионной площадки Дома детской книги. Один из выступавших (его имя не обозначено в стенограмме) в нескольких фразах описал атмосферу и настроения публики: «Повесть была напечатана в журнале «Юность» один месяц назад. Вчера появилась первая рецензия, а между тем о повести говорит буквально весь город. Здесь обычно на обсуждении бывает занято несколько рядов, а сейчас мы видим полный зал и набитый коридор. Это говорит о том, что повесть Бреженера приняло наше общественное мнение»¹⁵ (Стенограмма обсуждения книги М. Бреженера...: Л. 25).

Председательствовал, как и обычно, Лев Кассиль. Он открыл встречу подробным разбором повести, в котором не только хвалил Бреженера и его творение, но и довольно откровенно высказался на политические темы, например, когда назвал завуча Евгения Алексеевича «представителем большой трагедии» (Стенограмма обсуждения книги М. Бреженера...: Л. 8). Поддержали Бреженера и его друзья по Литературному институту. Лауреат Сталинской премии Юрий Трифонов признался, что «что читал эту книгу с упоением... не отрываясь, и получил просто наслаждение от того, как это сделано» (Стенограмма обсуждения книги М. Бреженера...: Л. 20); он даже позволил себе «не согласиться с Львом Абрамовичем [Кассилем]» в оценке второй части повести, утверждая, что написана она не «скомканно», а именно так, как нужно, чтобы продемонстрировать начало исправления школы.

Бенедикт Сарнов в своем выступлении защищал не только Бреженера, но и Дика – Сергей Баруздин обвинил его в том, что в своей рецензии Дик неверно определил основную тему повести как борьбу с хулиганством: «Дик правильно сделал, что начал разговор о повести не с того, что сопоставил с какими-то книгами нашей детской современной литературы, а противопоставил эту повесть нашей детской литературе последних лет» (Стенограмма обсуждения книги М. Бреженера...: Л. 30).

Двойственно (но все же не негативно) оценила повесть Бреженера Мария Прилежаева – член редколлегии «Юности», принявшей незадолго до того текст к печати¹⁶.

¹⁵ Согласно отчету, посланному в отдел школ ЦК, «на обсуждении присутствовало более 100 человек писателей, критиков, редакционных работников и учителей» (Аппарат ЦК КПСС и культура: 564).

¹⁶ Ее речь начиналась с характерного зачина: «Я не могу выступать недоброжелательно по поводу повести Бреженера, потому что когда вопрос решался о печатании ее, я была среди тех, которые считали, что ее нужно печатать» (Стенограмма обсуждения книги М. Бреженера...: Л. 36).

Прилежаева воспроизвела в своей речи те же аргументы, которые мы находим в негодующих письмах читателей и которые появятся позже в статьях «Учительской газеты»: Бременер слишком мрачно изобразил советскую школу, не может быть такого, чтобы среди педагогов не было ни одной «светлой» личности; не убедила ее и фигура завуча: «Я не верю в том, что педагог после долгого отсутствия явился и стал носителем этого огня» (Стенограмма обсуждения книги М. Бременера...: Л. 38). Эту линию продолжили писатели Борис Емельянов и Виктор Важаев – в отличие от Прилежаевой, они не увидели в повести Бременера никаких достоинств, лишь «очернение» школы и учителей. Но оба оратора остались в меньшинстве, никто их не поддержал.

Однако особенно на обсуждении вели себя участницы «женского» дружеского писательского круга – Фрида Вигдорова и Любовь Кабо и их близкие знакомые и соратники. Вигдорова не только примчалась из командировки, чтобы поддержать молодого автора, но и привела с собой своего близкого друга, известного московского учителя литературы Семена Гуревича – он определенно высказался относительно правдоподобия выведенных Бременером персонажей: «А вместе с тем не одни такие в школе, кабы такие только были! Если бы они были только глупыми. А они хитрее, злее, вреднее» (Стенограмма обсуждения книги М. Бременера...: Л. 43). Пришел на дискуссию и еще один близкий друг Вигдоровой – писатель Александр Шаров и защищал не только Бременера, но и его незадачливого завуча (Стенограмма обсуждения книги М. Бременера...: Л. 72).

Пожалуй, самое откровенное в этическом и политическом отношении выступление принадлежало Любови Кабо – автору повести «В трудном походе», с которой на протяжении всего обсуждения несколько раз сравнивали сочинение Бременера, еще одной близкой приятельнице Вигдоровой, помогавшей ей в начале 1950-х отражать нападение украинских чиновников на Семена Калабалина. Кабо в своей речи ставила диагноз не просто школе, но всему обществу, и прежде всего советской творческой интеллигенции.

По мнению Кабо, главная тема повести – даже не поиск «жизненной правды», но «общественное равнодушие, которое, к сожалению, школа воспитывает у своих учеников» (Стенограмма обсуждения книги М. Бременера...: Л. 48). Зародилось это равнодушие по вине взрослых: «...самое основное зло, которое имел этот культ личности, это наша с вами привычка к какому-то внутреннему компромиссу» (Стенограмма обсуждения книги М.

Бременера...). Эту черту демонстрировали и учителя, а значит, их нынешнее педагогическое бессилие совершенно закономерно:

«Я очень хорошо помню одного учителя, который в 1949 году пользовался колоссальным авторитетом среди учеников, они любили его и уважали и в 1949 году потребовали ответа на вопрос, что, собственно, происходит в стране, и он избежал этого ответа. Я его не упрекаю, но знаю, что для него это была трагедия: достаточно было одного-двух вопросов и одной единственной полуправды, чтобы учитель навсегда потерял авторитет у своих учеников» (Стенограмма обсуждения книги М. Бременера...: Л. 50).

Неделю спустя заведующий отделом школ ЦК Н. Казьмин направил руководству ЦК докладную записку, в которой резюмировал основное содержание повести Бременера и прошедшей дискуссии, очень четко расставив акценты. Саму повесть Казьмин назвал «идейно-порочной», а обсуждение явно счел антисоветским по духу и опасным. Все участники дискуссии, поддержавшие книгу Бременера, были поименованы в Записке и явно «взяты на карандаш». Среди них выделили Любовь Кабо, выступление которой Казьмин назвал «особенно недопустимо развязным». Но главное, что обеспокоило и испугало Казьмина – было почти полное единодушие писателей в оценке новаторства Бременера и актуальности проблемы «правды и лжи». Он увидел в зале Дома детской книги то, чего все партийные начальники с конца 1920-х годов боялись как огня – организацию, и открыто заявил о своих опасениях в Записке: «...определенная группа писателей и критиков, стоящих на неверных идейных позициях по отношению к советской школе и всячески поддерживающая друг друга, занимает главенствующее место в детской литературе, что наносит ей известный ущерб...» (Аппарат ЦК КПСС и культура: 566).

Обобщения Казьмина не были в чистом виде конспирологией: он точно разглядел на дискуссии образовавшиеся среди детских писателей разных поколений персональные и межгрупповые связи. Не прошло мимо его внимания и то, что обсуждение 16 ноября 1956 года было продолжением давно идеологической линии, заявленной за несколько лет до этого: «За последнее время со стороны некоторых детских писателей наблюдаются нападки на советскую школу, на пионерские и комсомольские организации. <...> В своих устных выступлениях на совещаниях и дискуссиях, в выступлениях в прессе некоторые писатели и критики позволяют себе огульно охаивать честный труд огромной армии советских учителей, нигилистически отрицают большую работу советской школы» (Аппарат ЦК КПСС и культура: 565).

В качестве ответной меры Казьмин предлагал организовать в «Учительской газете» выступления «лучших учителей» для обличения «порочной повести Бреженера». Однако напуганный венгерским восстанием ЦК пошел дальше: повесть «Пусть не сошлось с ответом!» попала в список неблагонадежных произведений, «искажающих советскую действительность». Этот список был оглашен первым секретарем ЦК ВЛКСМ А. Шелепиным на VII Пленуме ЦК ВЛКСМ 27 февраля 1957 года. В одном ряду с повестью Бреженера оказался роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», рассказ Д. Гранина «Собственное мнение» и стихотворение Е. Евтушенко «И другие» (Шелепин 1957: 39—40).

В результате анонсированное во время дискуссии 16 ноября отдельное издание повести в «Детгизе» состоялось только в 1959 году, причем в кардинально отредактированной версии. Название «Пусть не сошлось с ответом!» сменилось безликим «Передача ведется из класса», репрессированный завуч стал просто «старым большевиком», появилось несколько положительных образов учителей, и т.д.

Однако приостановка публикации отдельного издания была, по-видимому, самым радикальным шагом, на который в этот момент были способны власти по отношению к детским писателям. В дальнейшем они развивали свои политические достижения первых послесталинских лет. Конечно, полной свободы в условиях советской цензуры не мог добиться никто, но идеи социального критицизма и радикальной гуманизации детской литературы, которые были выдвинуты в эти годы, положили начало расширения не только политических, но и эстетических, ментальных и национальных границ.

7 Заключение

Изучение взаимодействия сетей и институтов в советском обществе 1950—70-х годов позволяет увидеть по-новому историю советского общества и уточнить некоторые положения существующих теорий сетей и реляционной социологии.

Для микросообществ в сфере культуры в СССР, по-видимому, было характерно «слипание» профессиональных и дружеских связей и гипервалоризация формирующихся в результате «усиленных» отношений. Такого рода «слипание» было распространено гораздо шире и устроено иначе, нежели уже изученный антропологами тип «слипания» - превращение соседских связей в квазиродственные в культурно-специфических сообществах, описанное Кэрол Стэк на примере женщин из районов, населенных бедными афроамериканцами (см. изложение результатов ее работы в [Bulmer 1985]). Самые сильные связи – по крайней мере, в литературной среде вне истеблишмента¹⁷ – возникали между актерами, которые находились в равноправных дружеских и профессиональных отношениях: читали рукописи друг друга, «пристраивали» их в журналы и издательства, писали друг на друга рецензии и т.п. В этой же среде в 1950-е годы регулярная переписка была показателем существования сильных связей и одновременно интенсифицировала такие связи.

Существование слабых связей в советской литературной среде само по себе становилось возможным благодаря институциональным рамкам. Такие люди, как Лев Кассиль и Лидия Чуковская, никогда не имели бы ничего общего, если бы им не нужно было заседать в одних и тех же комиссиях. Самой широкой институциональной рамкой здесь является членство в Союзе писателей, необходимое постольку, поскольку в СССР искусство могло публично функционировать только в виде системы государственных корпораций – творческих союзов [(Tomoff 2006); (Майофис, Кукулин 2016)]. Следующий, более узкий «концентрический круг» институционального контекста – членство обоих авторов в секции детской литературы СП. Другими институциональными рамками взаимодействия детских писателей является их связь с издательством «Детгиз» и с ведущими литературными журналами и газетами. Еще один вариант институциональной рамки – совместное членство в редколлегиях журналов, в том числе и новоорганизованных («Юность»). Взаимодействия этого типа оказывали влияние, например, на отношения Л.

¹⁷ Следует оговорить, что речь здесь идет о подцензурной литературе.

Кассиля, С. Маршака, М. Прилежаевой, Н. Носова или В. Катаева. Немаловажную институциональную основу для складывания сетей в советской литературе давало совместное проживание в писательских поселках (Переделкино, Комарово), в «совписовских» городских кооперативах (с 1957 года, когда в Москве на станции метро «Аэропорт» был создан первый такой кооператив) и/или встречи в домах творчества СП – Малеевка, Переделкино, Дубулты и т.п. Многообразие институциональных контекстов усиливало значение слабых связей – при том, что структурно они по-прежнему оставались слабыми – по сравнению с ситуацией, описанной Грановеттером.

При всей ригидности советской институциональной системы, взаимодействие в рамках этой системы людей, соединенных сильными дружескими и профессиональными связями, давало возможности для трансформации институтов и ключевых для их функционирования ими дискурсов и жанров письменной и устной речи. В 1953—56 годах прямо на глазах менялись особенности таких публичных жанров, реализующих институциональные нормы и правила СП, как программная статья о детской литературе, открытая дискуссия или ответ на критику.

Таким образом, сетевые взаимодействия внутри дружеских компаний могли встраиваться в более широкие институциональные «сетепространства» (netdoms, неологизм Харрисона Уайта) и приводить их в движение. При этом «сильные» связи трансформировались и сами. В ходе этого взаимодействия устанавливались «мосты» между различными дружескими компаниями и/или группами интересов – тут играли свою роль и соображения, связанные с взаимопомощью, и близость эстетических вкусов и идеологических воззрений, и, наконец, необходимость «блокироваться» для противодействия оппонентам внутри тех же самых ригидных институтов. Важно, что ни одна из этих мотиваций никогда не была доминирующей, все они сосуществовали комплексно.

Тем не менее «тактики» (если пользоваться термином де Серто) советских культурных акторов изначально имели одно существенное ограничение, которое не могло быть преодолено в рамках сложившейся системы взаимодействия институтов и социальных сетей. Никаких принципиально новых институтов эти сетевые сообщества создать не могли. Входящие в них акторы мыслили свою деятельность только в рамках уже существующих институтов – если только они не собирались участвовать в идеологической деятельности гегемониальных элит: в этом случае создание новых институтов могло быть

дозволено «сверху» (Mayofis 2016). Еще одним вариантом действий был просто уход из советского институционального поля – см., например, статью Лидии Чуковской «Процесс исключения» о ее разрыве с советскими литературными институциями.

Новые институты в позднем СССР, как правило, не вырастали из сетевого взаимодействия, а формировались в результате прямых административных указаний, часто соединенных с лоббистской деятельностью и разного рода интригами в элитах. Так, в конце 1950-х годов Н.С. Хрущев предпринял масштабную и доныне недооцененную реформу, инициировав создания специальных партийных и административных институтов для РСФСР, которых до той поры не было. Некоторые из них – в частности, предназначенные для руководства экономикой – были предназначены для децентрализации управления, но другие – например, Союз писателей РСФСР – были необходимы для «приручения» и перекодировки русских этнонационалистических настроений, искусственно усиленных в последние годы сталинского режима, особенно в среде научных и культурных элит. В 1956 году в литературной среде было распространено восприятие текущих культурных процессов как борьбы двух партий, сталинистской и антисталинистской. Создав Союз писателей РСФСР, противостоящий Союзу писателей СССР и особенно Московской организации Союза писателей (МОСП), Хрущев подтолкнул неосталинистов к блокировке с русскими националистами внутри новой структуры и тем самым принудительно сменил повестку дня в литературных спорах, представив оппонентов СП РСФСР не столько как антисталинистов, сколько как опасных «либералов». Такое институциональное строительство привело к масштабной трансформации сетевых отношений и к дальнейшей радикализации разделения между «либералами» и националистами в культурной среде.

Литература

Архивные источники

- 1 Материалы по делу Леонида Ярунина (письмо детской комиссии МГУ, ответ МГК КПСС и др. документы) // РГАНИ. Ф. 5. Оп. 18. Д. 58. Л. 134—144.
- 2 Переписка отделов прозы, поэзии и публицистики [журнала «Юность»] о произведениях, присланных в редакцию журнала // РГАЛИ. Ф. 2924. Оп. 1. Д. 37.
- 3 Письма М. Бременера Л. Кассилю // РГАЛИ. Ф. 2190. Оп. 2. Д. 81.
- 4 Письма М. Бременера Л.К. Чуковской // РГАЛИ. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 295.
- 5 Письма М. Бременера С. Львову // РГАЛИ. Ф. 2289. Оп. 1. Д. 198.
- 6 Письма Ф.А. Вигдоровой Норе Галь (Э. Гальпериной). Хранятся в домашнем архиве Э.Б. Кузьминой. Цитируются с любезного разрешения А.А. Раскиной.
- 7 Письма читателей о повести М. Бременера «Пусть не сошлось с ответом» // РГАЛИ. Ф. 2924. Оп. 1. Д. 52.
- 8 Стенограмма обсуждения книги М. Бременера «Пусть с не сошлось с ответом!» в Доме детской книги. 16 ноября 1956 года // РГАЛИ. Ф. 2924. Оп. 1. Д. 30.

Публикации

- 1 Balina Marina. Creativity Through Restraint: The Beginnings of Soviet Children's Literature // Russian children's literature and culture / Eds. M. Balina and L. Rudova. L.; N. Y.: Routledge, 2008. P. 1—19.
- 2 Barnes J.A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish // Human Relations. Vol. VII (1954). P. 39—58.
- 3 Borgatti S.P., Lopez-Kidwell V. Network Theory // The SAGE Handbook of Social Network Analysis. Ed. by John Scott and Peter Carrington. London: SAGE, 2011. P. 43—47.
- 4 Bulmer M. The rejuvenation of community studies? Neighbours, networks and policy // The Sociological Review. 1985. Vol. 33. No. 3. P. 430—448.
- 5 Darnton R. Poetry and the Police: Communication Networks in Eighteenth-Century Paris. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2010.
- 6 Ewing E. Thomas. Separate Schools: Gender, Policy, and Practice in Postwar Soviet Education. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2010.

- 7 Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6 (May). P. 1360—1380.
- 8 Hellman B. Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People (1574—2010). Leiden: Brill, 2013.
- 9 Kelly Catriona. Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991. L.: Yale University Press, 2007.
- 10 Mayofis M. The Thaw and the Idea of National *Gemeinschaft*: The All-Russian Choral Society // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. Vol. 17. No. 1 (Winter). P. 27–67.
- 11 McNeill, J. R. & McNeill, W. The Human Web: A Bird's-Eye View Of World History. New York: Norton, 2003.
- 12 Moreno J. L. Who Shall Survive? A New Approach to the Problem of Human Interrelations. New York, N.Y.: Beacon House, 1934.
- 13 Rogers E.M. Diffusion of Innovations. 3rd ed. New York: Free Press, 1982.
- 14 Tomoff K. Creative Union: The Professional Organization of Soviet Composers, 1939–1953. Ithaca; London: Cornell University Press, 2006.
- 15 White H., et al. Identity and Control: How Social Formations Emerge. 2nd, rev. ed. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- 16 Yu-Ling Chung. Translation and Fantasy Literature in Taiwan: Translators as Cultural Brokers and Social Networkers. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- 17 Аким Я. Галич // Литературная Москва-1956. Сб. 2. М., 1956. С. 523—524.
- 18 Аппарат ЦК КПСС и культура / Сост. В. Афиани. М.: РОССПЭН, 2001.
- 19 Бреженер М. Пусть не сошлось с ответом // Юность. 1956. № 10.
- 20 Вигдорова Ф. Девочки. Дневник матери. М.: АСТ, 2014.
- 21 Гальперина Е. Воспитание правдой // Новый мир. 1956. № 12. С. 262—265.
- 22 Дик И. Воспитывать правдой // Литературная газета. 1956. 15 ноября. С. 2.
- 23 Дик И. По старому русскому обычаю // Мир Паустовского. 1995. № 6.
- 24 Кабо Л. В трудном походе // Новый мир. 1956. № 11, 12.
- 25 Краткая запись Ф.А. Вигдоровой речи Паустовского на обсуждении романа Дудинцева «Не хлебом единым», 23 октября 1956 г. (<http://paustovskiy.niv.ru/paustovskiy/bio/ne-hleбом-edinyim.htm>, доступ 14.06.2016)
- 26 Л. Пантелеев – Л. Чуковская. Переписка. М.: НЛЮ, 2011.

- 27 Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.
- 28 Майофис М., Кукулин И. От составителей [раздела «Социальное конструирование творческих профессий: советская идеология и практики»] // Новое литературное обозрение. 2016. № 137. С. 11—15.
- 29 Мязотс О. Астрид Линдгрен в стране большевиков // Неприкосновенный запас. 2002. № 21 (<http://magazines.russ.ru/nz/2002/21/miae.html>, доступ от 08.11.2016)
- 30 Паустовский К.Г. Золотая роза. М.: Советский писатель, 1956.
- 31 Сарнов Б. Скуки не было: Первая книга воспоминаний. М.: Аграф, 2004.
- 32 Шелепин А. Об улучшении идейно-воспитательной работы комсомольских организаций среди молодежи. Доклад на VII Пленуме ЦК ВЛКСМ 26 февраля 1957 г. М., 1957.
- 33 Шюккинг Л. Социология литературного вкуса / Пер. с нем. Б. Геймана и Н. Берковского под ред. В. Жирмунского. М.: Academia, 1928.